

ВЕСТНИК

центра апологетических
исследований

89/22

Подвизаться за веру, однажды преданную святым (Иуды 3)

БОЖЕСТВЕННОСТЬ ХРИСТА В ЕВАНГЕЛИИ ОТ МАРКА

Джонатан Маклатчи

Также в этом выпуске:

- НЕКОТОРЫЕ НАБЛЮДЕНИЯ О ПОСТМОДЕРНИЗМЕ, часть 1 (с. 4)
- МАРТИН ЛЮТЕР НЕ БЫЛ ДЕКОНСТРУКТОРОМ (с. 14)
- МАССОВЫЕ УБИЙСТВА В ВЕТХОМ ЗАВЕТЕ (с. 18)

Современные скептики часто утверждают, что Евангелие от Марка (которое считается самым древним) ничего не говорит о божественности Христа, и что христология ранней Церкви постепенно развивалась, пока в Евангелии от Иоанна (которое считается последним) Его личность не приобрела божественные черты. Насколько это утверждение соответствует действительности? Правда ли, что Марк ни словом не упоминает о божественности Иисуса? В своей статье я попытаюсь показать, что Иисус был Богом, на основании одного только Евангелия от Марка.

Приготовьте путь Господу

В Марка 1:1-3 мы читаем:

Начало Евангелия Иисуса Христа, Сына Божия, как написано у пророков: «Вот, Я посылаю Ангела Моего пред лицом Твоим, который приготовит путь Твой пред Тобою». «Глас вопиющего в пустыне: приготовьте путь Господу, прямыми сделайте стези Ему».

Это, конечно же, отсылка к тексту Исаии 40:3, пророчеству, в котором речь явно идет о Яхве. Таким образом, заявление о божественности Христа присутствует уже в первых трех стихах Евангелия от Марка.

Святой Божий

В Марка 1:23-25 мы читаем:

В синагоге их был человек, одержимый духом нечистым, и вскричал: оставь! что Тебе до нас, Иисус Назарянин? Ты пришел погубить нас! знаю Тебя, кто Ты, Святой Божий. Но Иисус запретил ему, говоря: замолчи и выйди из него.

Даже бесы понимали, кто такой Иисус — Святой Божий (ὁ ἅγιος τοῦ θεοῦ)! Этот титул использовался в Ветхом Завете, причем чаще всего для описания Самого Яхве (напр., Пс. 70:22; 77:41; Ис. 12:6).

Кто может прощать грехи, кроме Бога?

В Марка 2:5-7 мы читаем:

Иисус, видя веру их, говорит расслабленному: чадо! прощаются тебе грехи твои. Тут сидели некоторые из книжников и помыш-

ляли в сердцах своих: что Он так богохульствует? кто может прощать грехи, кроме одного Бога?

Действительно, кто может прощать грехи, кроме одного Бога? Иисус претендовал на власть прощать грехи, которые были совершены не против Него. Только Бог обладает такими полномочиями. Книжники прекрасно поняли, какой вывод следует из слов Спасителя.

Господин субботы

В Марка 2:27-28, когда фарисеи обвинили Иисуса в том, что Он занимается противозаконными делами в субботу, Спаситель ответил:

Суббота для человека, а не человек для субботы; посему Сын Человеческий есть господин и субботы.

Как мог кто-либо, кроме Бога, объявить себя «господином субботы»?

Усмирение моря

Дважды в Евангелии от Марка мы читаем о том, как Иисус усмирил море (4:39-41; 6:50-51). Это вызывает в памяти отрывки из Псалтири, в которых такая же власть приписывается Яхве (напр., Пс. 88:10; 103:7; 106:29). В 6-й главе Иисус не только усмиряет море, но и ходит по поверхности воды — такая же способность приписывается Яхве в книге Иова 9:8 и 36:16.

Кто постыдится Меня

В Марка 8:38 мы находим слова Иисуса:

Ибо кто постыдится Меня и Моих слов в роде сем прелюбодейном и грешном, того постыдится и Сын Человеческий, когда придет в славе Отца Своего со святыми Ангелами.

Разве нечто подобное мог бы произнести простой человек?

Преображение

В 9-й главе Марк рассказывает о преображении Иисуса, и в этой истории есть поразительное сходство с явлением Яхве Моисею на горе Синай. Во-первых, все происходит на вершине горы. Моисей берет с собой трех спутников (Исх. 24:1-9), и лицо его тоже сияет (Исх. 34:29-35). Две фигуры, появившиеся рядом с Иисусом, — Моисей

Иисус проклиная смоковницу

и Илия — также имеют значение, поскольку именно они в Ветхом Завете хотели «увидеть» Бога. Однако в обоих случаях Бог явился им не в полноте Своей славы: Моисей прятался в расщелине скалы и смог увидеть Бога лишь со спины (Исх. 33:22-23), а Илия увидел лишь знамения Его присутствия (3 Цар. 19:11-12). В 9-й главе Марка Моисей и Илия уже не прячутся, но свободно общаются с Иисусом.

Проклятие смоковницы

В Марка 11:12-14 мы читаем о том, как Иисус проклял смоковницу:

На другой день, когда они вышли из Вифании, Он взалкал; и, увидев издалека смоковницу, покрытую листьями, пошел, не найдет ли чего на ней; но, придя к ней, ничего не нашёл, кроме листьев, ибо ещё не время было собирания смокв. И сказал ей Иисус: отныне да не вкушает никто от тебя плода вовек! И слышали то ученики Его.

Опять-таки, это происшествие напоминает ряд ветхозаветных текстов, где часто встречается образ смоковницы, засушенной Богом (напр., Ис. 1:30; 34:2-4; Иер. 8:13; Ос. 2:14; 9:10, 15-16).

Сын Человеческий

Чаще всего в Евангелиях Иисус называл Себя «Сыном Человеческим», и в Евангелии от Марка этот титул встречается неоднократно. Наиболее примечателен, наверное, текст Марка 14:61-64, где рассказывается о допросе Иисуса первосвященником:

Но Он молчал и не отвечал ничего. Опять первосвященник спросил Его и сказал Ему: Ты ли Христос, Сын Благословенного? Иисус сказал: Я; и вы узрите Сына Человеческого, сидящего одесную силы и грядущего на облаках небесных. Тогда первосвященник, разорвав одежды свои, сказал: на что еще нам свидетелей? Вы слышали богохульство; как вам кажется? Они же все признали Его повинным смерти.

Титул «Сын Человеческий» вкупе с фразой «грядущий на облаках небесных» — недвусмысленная отсылка к тексту Даниила 7:13-14:

Видел я в ночных видениях, вот, с облаками небесными шел как бы Сын человеческий, дошел до Ветхого днями и подведен был к Нему. И Ему дана власть, слава и царство, чтобы все народы, племена и языки служили Ему; владычество Его — владычество вечное, которое не прейдет, и царство Его не разрушится.

По словам Даниила, эта виденная им божественно-человеческая фигура примет поклонение от всех народов — но кто, кроме Бога, вправе принимать поклонение? Первосвященник совершенно точно понял, что хотел сказать Иисус, — поэтому он разорвал свои одежды и объявил Спасителя богохульником.

Заключение

Я перечислил лишь немногие тексты из Евангелия от Марка, в которых есть ясные указания на божественность Христа. Утверждения, будто Марк не изображает Христа Богом, безосновательны.

Оригинальный текст статьи опубликован на сайте служения CrossExamined.org.

Все права принадлежат автору.

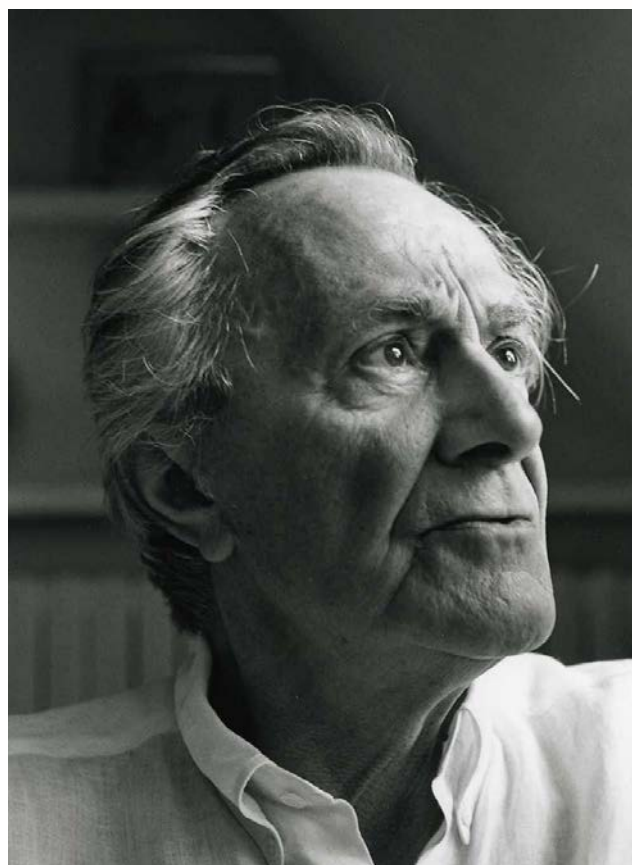
НЕКОТОРЫЕ НАБЛЮДЕНИЯ О ПОСТМОДЕРНИЗМЕ

Томас Хау

В предисловии к своему бестселлеру *The Closing of the American Mind* Аллан Блум сетовал:

В одном профессор может быть абсолютно уверен: практически каждый студент, поступающий в университет, верит (или утверждает, что верит) в относительность истины. Если вы усомнитесь в справедливости этого тезиса, студенты отреагируют совершенно предсказуемым образом: они придут в недоумение. Открытие, что кто-то не считает это утверждение самоочевидным, шокирует их так же, как если бы вы поставили под сомнение, что дважды два равно четырем. Обычно мы о таких вещах не задумываемся. Студенты отражают все многообразие населения США: среди них есть верующие и атеисты, левые и правые, бедные и богатые, одних интересуют точные науки, других — гуманитарные, третьи хотят стать инженерами, четвертые — бизнесменами. Единодушны они только в своем релятивизме и в своей приверженности равноправию — за обеими этими идеями стоит одна и та же нравственная философия. Относительность истины — не теоретическая оценка, а нравственный постулат, который студенты считают условием существования свободного общества¹.

Правда ли, что постмодернизм и релятивизм — одно и то же? Определений, описаний и характеристик постмодернизма, наверное, существует не меньше, чем авторов, пишущих на эту тему. Дэвид Харви, британский марксист, специалист по экономической географии, заслуженный профессор антропологии и географии в нью-йоркском Городском университете, описывал постмодернизм как условие: «Постмодернизм, в двух словах, можно рас-

Жан-Франсуа Лиотар

commons.wikimedia.org

сматривать как некое историко-географическое условие»².

Жан-Франсуа Лиотар (1924–1998), французский философ, социолог и литературовед, пользуется репутацией одного из ведущих мыслителей, повлиявших на становление и распространение постмодернизма. По мнению Лиотара, постмодернизм — это отрицание метанарративов:

Упрощая до крайности, мы считаем «постмодерном» недоверие в отношении метарассказов. Оно является, конечно, результатом прогресса науки; но и прогресс в свою очередь предполагает это недоверие. С вы-

ходом из употребления метанарративного механизма легитимации связан, в частности, кризис метафизической философии, а также кризис зависящей от нее университетской институции. Нарративная функция теряет свои функторы: великого героя, великие опасности, великие кругосветные плавания и великую цель³.

Ниже мы поговорим о метанарративах более подробно. Стивен Хикс описывает постмодернизм в терминах метафизики и эпистемологии:

С точки зрения *метафизики*, постмодернизм — это антиреализм, который утверждает, что осмысленно рассуждать о независимо существующей реальности невозможно. Взамен постмодернизм предлагает социо-лингвистический, конструкционистский подход к описанию действительности. С точки зрения эпистемологии, отбросив идею о независимо существующей реальности, постмодернизм отрицает, что с помощью логики или какого-либо иного метода можно получить объективное представление о действительности. Заменяв эту действительность социо-лингвистическими конструктами, постмодернизм подчеркивает субъективность, условность и несоразмерность этих построений⁴.

Стюарт Сим описывает постмодернизм как течение в культуре:

Постмодернизм — обширное движение в культуре, которое занимает скептическую позицию по отношению ко многим принципам и допущениям, лежавшим в основе интеллектуальной и общественной жизни Запада на протяжении последних нескольких столетий. Жан-Франсуа Лиотар рекомендовал нам рассматривать постмодернизм как отказ от всеобъемлющих теорий культуры (таких как марксизм) и настаивал на необходимости гораздо более прагматичного отношения к политической жизни и художественному творчеству, которое не должно довольствоваться простым игнорированием правил, навязанных гранд-нарративом. Таким образом, постмодернизм — не только самостоятельная и конкретная теория, но и определенное умонастроение. В общем и целом, постмодернизм можно рассматривать как часть более давней скептической традиции в

философии, которой изначально присущи неприятие каких-либо незабываемых авторитетов и общая негативная направленность: она склонна, скорее, развенчивать претензии других теорий, нежели предлагать взамен что-либо позитивное⁵.

Кристал Даунинг в своей книге *How Postmodernism Serves (My) Faith* обращается к читателям с таким призывом:

Прежде всего я хотела бы подчеркнуть, что мировоззрения не следует оценивать по людям, которые ими злоупотребляют. В конце концов, тысячи людей были убиты во имя Христа. Когда я рассказала одной женщине-нехристианке, профессору английского языка, что верю в Христа воскресшего, она тут же ответила: «А как же крестовые походы? А как же инквизиция?» В ответ я могла сказать лишь, что человек, искренне стремящийся постичь истины бытия, не станет отвергать какой-либо ответ из-за фанатичных крайностей его приверженцев. В этой книге я хочу сказать то же самое о постмодернизме: о нем не следует судить по предосудительным деяниям, которые совершаются от его имени. Я вовсе не хочу сказать, что христианство и постмодернизм сопоставимы как ответы на вопрос о смысле жизни. Первое основано на реально существовавшей личности, воплощении Бога на земле, тогда как второй основан на определенном умонастроении: подозрительности к готовым ответам, акценте на ограниченности языка, понимании того, что в предании присутствует вымысел. Настоящая книга продемонстрирует, как постмодернистское умонастроение отражается на следовании за Христом, и за основу рассуждений я возьму свой собственный опыт. Говоря языком евангелического христианства, мое свидетельство поможет раскрыть мое понимание жизни во Христе. Говоря языком постмодернизма, я признаю позиционированность своих убеждений⁶.

В аргументации Даунинг есть два серьезных изъяна.

Во-первых, оценивая постмодернизм, мы не судим поступки тех, кто злоупотребляет этой философией. Мы анализируем утверждения и суждения постмодернистов.

Во-вторых, утверждения и суждения, которые мы анализируем, исходят не от тех, кто злоупотребляет постмодернистскими идеями.

Кстати, с точки зрения самого постмодернизма, злоупотребить им невозможно. Не существует «постмодернистских» действий, которые можно было бы расценить как «проблемные». Любые убеждения и поступки человека обусловлены контекстом: языком, культурой, социальной средой и т. п. Даунинг приводит пример «позиционированности» всего несколькими страницами ниже. Она никогда не видела светлячков, поэтому не смогла понять, что за огоньки мерцают в ночной темноте. Она решила, что за ней кто-то подглядывает и приняла меры, чтобы обезопасить свою частную жизнь от вторжения. Отсюда Даунинг делает вывод: «Постмодернизм, признавая существование подобных реалий [т. е. позиционированности], поощряет стремление понять противоречащие друг другу „истины“ каждой группы людей и признать их „позиционированность“. Это не означает признавать все „истины“ одинаково состоятельными, хотя многие люди толкуют постмодернизм именно так и обвиняют его в нигилистическом релятивизме»⁷.

Таким образом, Даунинг пришла от принятия позиционированности прочих «истин» к отрицанию позиционированности тех, кто считает постмодернизм «нигилистическим релятивизмом». Именно такая аргументация и будет предметом нашего изучения.

Три фундаментальных вопроса

Прежде чем приступить к рассмотрению утверждений постмодернизма, нам необходимо ответить на три фундаментальных вопроса:

- Возможно ли знание?
- Возможна ли уверенность?
- Возможна ли объективность?

Возможно ли знание?

Первоочередной вопрос, который ставится в современных подходах к эпистемологии, связан с природой знания, и формулируется таким образом: «Что такое знание?» Зачастую этому вопросу сопутствует другой, родственный вопрос: «Можно ли что-нибудь знать?» Как полагают многие, прежде чем спросить, что мы знаем, нужно убедиться в том, что знание в принципе возможно. В настоящем исследовании мы примем за отправную точку, что знать что-нибудь можно. Исходить из противоположного значит создавать заведомое противоречие. Если мы утверждаем, что знать что-либо невозможно, наше суждение ошибочно, ведь нам по крайней мере известно, что знать что-либо невозможно.

Кристал Даунинг

www.wheaton.edu

Если же мы не знаем, можно ли что-либо знать, мы не вправе что-либо утверждать.

Многие ставили под сомнение возможность что-либо знать, задавая такой вопрос: «Если ты не понимаешь природу человеческого познания, как и насколько ты можешь быть уверен в своих познаниях относительно других вещей?» Или: Как можно быть уверенным в своих познаниях относительно какого-то конкретного предмета, если ты даже не знаешь, что представляет собой знание?»⁸. Основной изъян подобных вопросов заключается в следующем: если для того, чтобы узнать что-либо конкретное, нужно узнать, что представляет собой знание, то узнать, что представляет собой знание, попросту невозможно. Для этого нужно знать и не знать одно и то же. Как выразился Джон Оуэнс: «В данном случае познание выступает как в роли объекта вопрошания, так и вопрошающего субъекта. Соответственно, если достоверность познания зависит от достоверности познания как такового, можно говорить о порочном круге в рассуждениях»⁹. Внутреннее противоречие содержится не только в категорическом утверждении, что знать что-либо невозможно, но и в агностической формулировке вопроса. Если узнать что-либо конкретное невозможно, пока мы не узнаем, что представляет собой знание, мы обречены на то, чтобы никогда ничего не узнать. Аналогичным образом, если мы воздерживаемся от суждения о том, возможно знание или нет, мы точно так же обречены на то, чтобы ничего не узнать, потому что для устранения сомнения нам придется

воспользоваться теми самыми способностями, которые мы поставили под сомнение.

На самом деле некоторые вещи нам известны, и наша задача — понять, как мы их узнали, а не обладаем ли мы знанием о них. Поэтому первый вопрос, «Что представляет собой знание?», признает знание как факт и имеет своей целью выяснить, каким образом можно что-либо узнать. Следовательно, от того, как мы сформулируем этот основополагающий вопрос, будет зависеть наш подход к решению задачи. Не может быть, чтобы цель исследования заключалась в том, чтобы выяснить, можно ли что-либо узнать, поскольку единственная наша способность, которая позволяет найти ответ на этот вопрос, таким образом оказывается под сомнением.

Возможна ли уверенность?

Вторая проблема касается эпистемических критериев и сводится к основному вопросу: «Как мы оправдываем свои претензии на знание чего-либо?» Зачастую этот вопрос формулируется иначе: «Можно ли быть в чем-то уверенным?» И опять, прежде чем приступить к исследованию данной темы, необходимо признать, что быть в чем-то уверенным возможно. Утверждать обратное значило бы признать возможность внутреннего противоречия. Либо мы уверены, что быть в чем-либо уверенным невозможно (в таком случае первое утверждение ложно, поскольку подразумевает уверенность хотя бы в этом), либо мы не уверены, что быть в чем-либо уверенным невозможно (в этом случае суждение о невозможности быть в чем-либо уверенным теряет силу).

Изъяны этого вопроса аналогичны изъянам предыдущего. Философы расходятся в предположениях и теориях о том, что представляет собой уверенность, является ли она необходимым критерием знания, и возможна ли градация по степени уверенности. Как минимум мы можем опереться на определение уверенности, предложенное в справочнике *The Oxford Companion to Philosophy*: «Суждение называется достоверным, когда оно несомненно. Человек уверен в суждении, когда не может поставить его под сомнение»¹⁰. Если невозможно усомниться в том, что уверенность невозможна, данное утверждение противоречит само себе. Если можно усомниться в том, что уверенность невозможна, исходное утверждение теряет силу. Даже если мы попытаемся воздержаться от суждения относительно того, можно ли быть в чем-то уверенным, изъян все равно остается: либо мы не можем усомниться

в том, что от суждения следует воздержаться, либо мы можем усомниться в том, что это следует сделать. В результате мы приходим к тому же самому.

Определение, предложенное в *Oxford Companion*, производит впечатление порочного круга. Там же можно найти следующее определение «сомнения»: «Когда мы сомневаемся в некоем утверждении, мы не верим ему и не отказываемся ему верить: мы всего лишь воздерживаемся от суждения, считаем вопрос о его истинности открытым»¹¹. По существу, это означает следующее: «Утверждение достоверно, если в нем нельзя усомниться, то есть если ты не уверен, что оно достоверно».

На самом деле кое в чем мы можем быть уверены. Например, мы можем быть уверены, что утверждение не может одновременно быть истинным и ложным в одном и том же смысле. Отрицание закона противоречия (или закона непротиворечия, как некоторые предпочитают его называть) лишь подтверждает его справедливость. Он самоочевиден и неоспорим. Мы можем быть уверены лишь в очень немногих вещах, однако уверенность, несомненно, возможна, а в некоторых случаях и абсолютна.

Возможна ли объективность?

Ответ на этот вопрос, конечно, зависит от того, что вы понимаете под «объективностью». Вот хорошее определение:

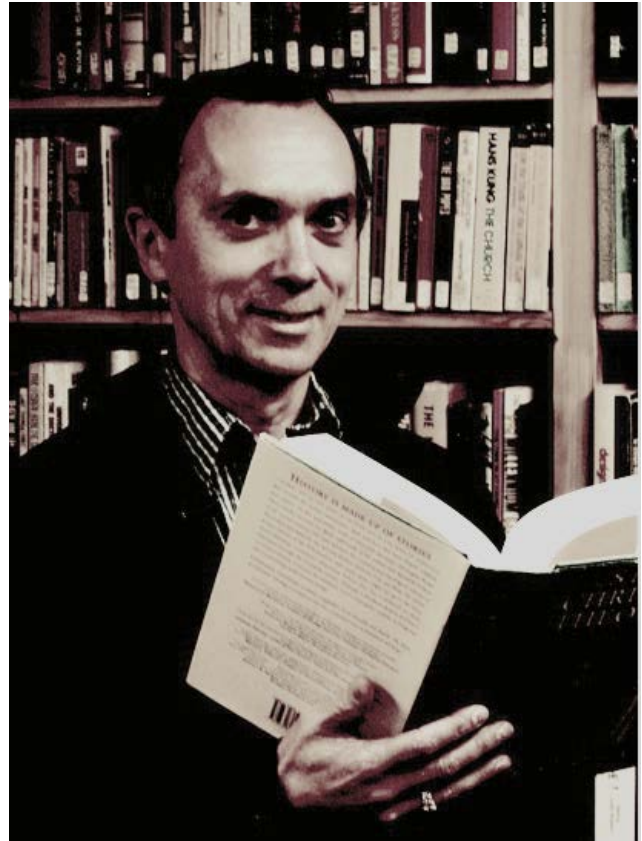
Объективность, сущ. 1) соответствие умозрительных представлений известному объекту; характеристика знания, сопоставленного объекту. 2) состояние критического и объективного осмысления, при котором разум воспринимает вещи такими, какие они есть в их собственной реальности и на их собственных условиях, отстраняясь от личных вкусов, интересов, предпочтений и т. п.; например, научная объективность. 3) общепризнанная точка зрения, которая приписывает тому, что существует вне человека или человеческого разума, независимое бытие и оценивает истинность знания путем соотнесения его с действительностью¹².

Для наших целей под «объективностью» мы будем понимать то, о чем сказано в п. 2 вышеприведенного определения. Итак, объективность — это понимание смысла, не обусловленное представлениями, мировоззрением, контекстом, культурой, социальным окружением или языком понимающего. Возможность

и даже желательность такого рода объективности при толковании текстов сегодня отрицают едва ли не все. В том числе и едва ли не все евангелические авторы, среди которых следует особо выделить Н. Т. Райта, Энтони Тизелтона, Кевина Ванхузера, Гранта Осборна, покойного Мозеса Сильву, а также тех евангелических христиан, которые целиком или частично восприняли постмодернистский этос: Стэнли Гренца, Брайана Макларена, Кристал Даунинг, Джона Франке и многих других. Как только мы отказываемся от объективности, у нас не остается других альтернатив, кроме релятивизма. Иначе говоря, как только мы отвергаем объективность, смысл и истина попадают в зависимость от нашего мировоззрения, контекста, языка, социального окружения, от наших представлений и т. п.

Стэнли Гренц (1950-2005), баптистский богослов, специалист по этике и поборник постмодернистского евангеликализма, описывает этот релятивизм следующим образом: «В таком случае Библия рассматривается не как законченный и статичный факт или собрание фактов, подлежащих исследованию с помощью все более изощренных методов, но как потенциальный смысл, который следующие поколения актуализируют в свете своих потребностей...»¹³. Именно так, по его словам, следует понимать сказанное во 2 Тимофею 3:16-17: «Все Писание богодухновенно и полезно для научения, для обличения, для исправления, для наставления в праведности, да будет совершен Божий человек, ко всякому доброму делу приготовлен»¹⁴. Гренц ошибочно толкует слова Павла таким образом, что Бог вдохнул дух в Писание так же, как в Адама. Но на самом деле слово *θεόπνευστος* («богодухновенный») ¹⁵ происходит от глагола, который означает «выдохнуть», а не «вдохнуть».

Отрицая возможность объективного познания мира или прошлого, Гренц загоняет себя в смертоносную ловушку. По его словам, «нам следует одобрительно отнестись к постмодернистским сомнениям в справедливости принятого эпохой Просвещения допущения, будто знание объективно и, следовательно, бесстрастно»¹⁶. Далее Гренц добавляет: «Мы считаем истинной открытую постмодернизмом закономерность: никакой наблюдатель не может находиться вне исторического процесса. И мы сами тоже вовсе не независимые специалисты, способные приобретать знания, одинаково справедливые для всех и нейтральные с точки зрения культуры»¹⁷. Судя по всему, Гренц пребывает в блаженном неведении о том, что противоречит сам себе, настаивая на объектив-

Стэнли Гренц

postbarthian.com

ности своей оценки этого якобы субъективного положения вещей.

Всякий говорящий и пишущий исходит из предположения, что аудитория поймет его слова объективно¹⁸. И Гренц, отрицая объективность, тоже исходит из предположения, что читатели его книги объективно поймут суть изложенных в ней мыслей. Объективность возможна и неоспорима. Истинность — неотъемлемое свойство утверждений, а утверждения делаются с помощью языка. Если объективного смысла не существует в принципе, не существует и объективной истины, и слова от Бога тоже не существует.

Постмодернизм и христианское богословие

Гренц о модернизме

Стэнли Гренц приложил немало усилий, чтобы сформулировать постмодернистское христианское богословие, и пользовался большим влиянием в евангелических кругах, поэтому значительная часть моей статьи представляет собой полемику с его утверждениями. Как и большинство авторов, пишущих на данную тему, Гренц начинает свою монографию о постмодернизме со следующего наблюдения: «Для того, чтобы понять постмодернистское мышление, нам необходимо рассмотреть постмодерн в

контексте породившей его эпохи модерна, реакцией на которую он, собственно, и был»¹⁹.

Гренц бездумно повторяет описание модернизма и эпохи Просвещения, которое уже много лет считается общепринятым: «В интеллектуальной основе проекта Просвещения лежат определенные эпистемологические допущения. В частности, модернистское мышление исходит из того, что знание достоверно, объективно и благотворно. Более того, модернисты полагают, что знание в принципе доступно человеческому разуму»²⁰. Если допущения, определяющие суть эпохи Просвещения и модерна, действительно таковы, возникает вопрос: как историки отличают эту эпоху от средневековья или даже античности? Ведь представления о достоверности, объективности, благотворности знания и его доступности для человеческого разума восходят, по крайней мере, к досократикам и были присущи Платону, Аристотелю и большинству средневековых философов. Иначе говоря, если отличительные черты эпохи Просвещения и модернизма таковы, как их описывает Гренц, налицо искусственное разделение эпох, между которыми нет реальных различий.

Если исходить из того, что проект Декарта был движим представлениями об определенности, объективности, благотворности знания и его доступности для человеческого разума, получается, что то французский мыслитель руководствовался не какими-то новаторскими идеями, а те самыми взглядами, которые лежали в основе всех предыдущих рассуждений. Вопреки мнению Гренца, Декарт начал свой проект именно из-за того, что вся предыдущая философия не сумела однозначно обосновать достоверность философского знания, к которой стремились его предшественники. Методология же математико-экспериментальной науки как синтез дедуктивного метода геометрии и, по выражению Алистера Кромби, «привычки практических искусств к экспериментированию»²¹ обещала — по крайней мере в представлении Декарта — рационально продемонстрировать достоверность знания. Иначе говоря, характерной особенностью эпохи Просвещения был акцент не на логику и достоверность, а на особый вид логики, который должен был обеспечить полную достоверность. Утверждения, будто суть эпохи Просвещения точно схвачена высказываниями типа: «Метод Просвещения подвергает аспекты реальности исследованию с помощью логики и оценивает их на основании этого критерия»²², — Рой Портер называет «глубоко ошибочными»²³. Далее Портер пишет:

Многие ведущие мыслители того столетия сами пренебрежительно отзывались о системообразующих философах-рационалистах XVII века — в частности, Декарте (с его понятием «ясных идей», самоочевидных для разума) и Лейбнице. Они отмежевывались от предшественников так же страстно, как отвергали то, что считали словесной софистикой рационалистической схоластической теологии, изначально разработанной св. Фомой Аквинским в Средние века (томизм) и получившей дальнейшее развитие в эпоху Контрреформации. В свете триумфа ньютоновской науки мужи эпохи Просвещения утверждали, что ключом к истинному знанию являются опыт и эксперимент, а не логика как таковая. Сам человек в их глазах был не только мыслящим, но и чувствующим животным²⁴.

Мысль Просвещения вовсе не была такой монолитно рационалистической, какой ее изображает Гренц. Она была не менее разнообразна, чем постмодернизм. Как пишет Портер, «главное место в стремлениях просвещенных умов занимал поиск истинной „науки о человеке“»²⁵. Но даже это «главное стремление» у разных мыслителей проявлялось по-разному:

Харли, Ламетри и прочие „материалисты“ (те, кто отрицал независимое существование „разума“, „духа“ или „души“) надеялись разработать медико-научную физиологию человека, которого они рассматривали как хрупкий механизм или, возможно, как всего лишь наиболее удачливого из приматов. Некоторые — в частности, Локк, Гельвеций и Кондильяк — полагали, что необходимо исследовать прежде всего механизмы мыслительных процессов человека. Другие — например, итальянец Вико — считали, что лучше всего понять человека можно, проследив ступени и этапы его развития из некоего первобытного состояния или природного положения (которое одни рассматривали как золотой век, а другие как уровень звериной дикости). Третьи — к числу которых относились Монтескье и Юм — видели ключ к созданию науки о человеке в изучении политических и экономических законов, определяющих взаимоотношения между человеком и обществом в целом²⁶.

Эпоха Просвещения, по крайней мере с нынешней точки зрения, была не менее многолика, чем постмодернизм. Между тем Гренц настойчиво называет отличительными чертами

модернизма то, что вовсе не было уникально для этого движения. Он пишет: «Мышление эпохи Просвещения исходит из того, что знание не только достоверно (и поэтому рационально), но и объективно»²⁷. Однако и Платон, и Аристотель, и эллинистические философы, и мыслители Средних веков — все они считали знание объективным. Их философские системы отличались друг от друга, но каждый философ полагал, что по крайней мере основные постулаты его учения достоверны.

Кроме того, вера в объективность или достоверность знания вовсе не способствовала «бесстрастному» подходу, поскольку сами философы эпохи Просвещения вовсе не были его поборниками — во всяком случае, далеко не каждый. Среди них были не только рационалисты, но и романтики. Как отмечает Портер, мыслители того времени утверждали, что «рассудок, отделенный от опыта и чувственного восприятия, точно так же ведет к заблуждению и абсурду», и «Вольтер прелестно продемонстрировал это в своем философском романе „Кандид“, в котором учитель д-р Панглос настолько ослеплен своими убеждениями, будто „все к лучшему в этом лучшем из миров“, заимствованными из метафизики Лейбница, что сделался совершенно безразличным к жестокости и страданиям, царившим прямо у него под носом, лучшим из всех возможных носов»²⁸.

Также, описывая эпоху Просвещения, Гренц приписывает ей утверждение, будто знание «по сути своей благотворно». (Сразу возникает вопрос, почему Гренц не считает собственные знания о модернизме и постмодернизме благотворными.) Данное утверждение Гренц вкладывает в уста мыслителей эпохи Просвещения так, словно никому другому в истории человечества эта мысль прежде не приходила в голову. Между тем, схоластическая философия, рассуждая о природе человека, называла целью человеческого разума познание Бога, которое по определению представляет собой высшее благо. Более того, оптимизм эпохи Просвещения был обусловлен вовсе не благотворностью, якобы изначально присущей знанию. Скорее, этот оптимизм подпитывался достигнутыми благодаря применению научного метода успехами в понимании мира и управлению им. Философы полагали, что «разум и наука... сделают людей более человечными и счастливыми»²⁹. Другим фактором, который поддерживал атмосферу оптимизма, был рост свободомыслия, проявлявшийся в постоянном потоке новых публикаций на ранее запрещенные темы³⁰. Вопреки мнению Гренца, Спок из оригинального сериала «Звездный путь»

вовсе не был «идеальным человеком эпохи Просвещения, совершенно рациональным и полностью лишенным эмоций»³¹. Скорее, Спок был воплощением того, как люди XX столетия представляли идеального ученого, — собственно, именно такая роль и была отведена ему создателями сериала. В современной культуре, по крайней мере до 1960-х годов, ученого эпохи модерна изображали как бесстрастного объективного наблюдателя. Даже если этот «идеал» отчасти совпадает с идеалами эпохи Просвещения, так называемый «ученый эпохи модерна» был далеко не единственной разновидностью «человека эпохи Просвещения», — к такому выводу пришла современная наука.

Гренц о постмодернизме

Гренц неправильно описал суть модернизма и эпохи Просвещения, некритически воспроизведя популярные представления о том периоде — представления, которые уже отвергнуты или, по крайней мере, радикально пересмотрены практически всеми современными историками. А поскольку он утверждает, что без понимания модернизма невозможно понять постмодернизм, у читателя закрадывается подозрение, что неверные представления Гренца о модернизме могли повлечь за собой столь же ошибочные представления о постмодернизме.

Неправильное понимание модернизма порождает путаницу между модернистскими идеями и абсолютными истинами. Дэвид Гриффин описывает постмодернизм как «расплывчатое умонастроение, а не... какой-либо единый свод учений»³². Далее Гриффин отмечает, что в соответствии с этим умонастроением «человечество может и должно выйти за границы модерна»³³. Соответственно, насколько человек путает модернистские идеи с вневременными и всеобщими истинами, настолько велика вероятность, что он попытается выйти за границы, за которые выйти невозможно. Если понятия абсолютной истины и объективности были выдуманы в эпоху модерна, постмодернизм вправе подвергнуть их критике, ведь постмодернизм и должен «выйти за границы» модернистских представлений. Однако логика, объективность, достоверность и доступность знания — не порождения эпохи модерна. Понятия абсолютной истины и объективности не являются исключительным достоянием какой-то одной эпохи или какого-то одного движения. Что действительно уникально для эпохи модерна, так это идея, будто математико-экспериментальный подход в естественных науках и есть тот метод, с помощью которого

можно познать истину и достичь прогресса. Для эпохи Просвещения характерно именно представление об исключительности научного метода как сути разумной деятельности. Философы того времени полагали, что закладывают основание просвещенного мира, сужая логику и объективность до одной-единственной разновидности научного мышления и научной объективности. Однако, столкнувшись с препятствиями — например, в виде зависимости наблюдений от исходной теории, или проблемы индукции (по крайней мере, в том виде, как ее понимали Юм и номиналисты), — научное мышление и научная объективность оказываются под сомнением. И если математико-экспериментальные рассуждения и объективность науки безоговорочно отождествляются с логикой и объективностью вообще, отрицание первых воспринимается как отрицание последних. К моменту наивысшего расцвета эпохи Просвещения реалистическая метафизика средневековых философов-схоластов уже была отвергнута, поэтому отказ от научного мышления и научной объективности лишает истину и знание всякой опоры. Единственной альтернативой остается своеобразный релятивизм, который позволяет каждому считать истиной собственные представления и допускает сосуществование конфликтующих друг с другом и даже противоречащих друг другу «истин». Теоретики постмодерна ошибочно отождествляют модернистское понимание логики и объективности с логикой и объективностью как таковыми и полагают, будто таким образом могут избавиться от этих абсолютных понятий или выйти за их границы.

Поскольку философы Пробуждения делали упор лишь на одной конкретной разновидности этих абсолютов — математико-экспериментальных естественных науках, — как если бы в этом заключались вся логика и вся объективность, когда постмодернисты отбрасывают свойственные эпохе Пробуждения представления о логике и объективности, можно подумать, что они отрекаются от логики и объективности в принципе — ведь это всего лишь порождения эпохи Просвещения (во всяком случае, так думают многие).

Гренц — не единственный, кто неправильно понял суть модернизма. Похоже, все постмодернистское движение повинно в искаженном (может быть, даже намеренно) толкований целей и намерений мыслителей эпохи Просвещения. Гренц признает, по крайней мере отчасти, роль науки в модернизме. Он пишет: «Аналогичным образом постмодернизм подразумевает отказ от акцента на рациональных

открытиях, совершенных посредством научного метода, который служил интеллектуальным основанием модернистских попыток создать лучший мир»³⁴. Однако он заблуждается, полагая, будто научный метод был лишь одним из аспектов более широкого представления об абсолютности логики и объективности, свойственного эпохе Просвещения. Поскольку Гренц воспринимает логику и объективность как порождения эпохи Просвещения, утверждая: «Следовательно, постмодернистский подход, по существу, представляет собой анти-модерн»³⁵, — он исходит из того, что логика и объективность как таковые воплощают в себе суть «модерна». Следовательно, постмодернизм — это отрицание логики и объективности в принципе, а не отрицание только научной логики и научной объективности. Абсолютные понятия логики и объективности легко демонизировать, наклеив на них ярлык «модернистских». Соответственно, всякого, кто пытается бороться с постмодернизмом с помощью логики и объективности, объявляют «модернистом» и подвергают обструкции за возвращение к модернистским идеям.

Важно упомянуть и о другой ошибке в понимании эпохи Просвещения. Стивен Хикс пишет: «Эпоха Просвещения изменила весь мир, и постмодернизм надеется сделать то же самое»³⁶. Однако направление этих изменений совершенно разное. Эпоха Просвещения изменила мир в том же направлении, в котором он постепенно двигался и раньше. Экспериментальная наука нового времени начала складываться усилиями оксфордского естествоиспытателя Роберта Гроссетеста (1170–1253) еще в XII–XIII веках — задолго до того, как сделалась излюбленной методологией эпохи Просвещения³⁷. Усвоение математико-научного подхода не противоречило общему направлению развития культуры. Скорее, в эпоху Просвещения интеллектуалы начали применять уже существовавшие методы (наподобие того, как человек обращает внимание на собственное глазное яблоко, которым прежде просто пользовался), сознательно развивая и пропагандируя их — возможно, в ущерб другим методам, которые тоже были известны, но результаты которых были менее очевидны.

Постмодернизм, напротив, пытается изменить культуру, подталкивая ее в направлении, в котором она сама естественным образом не развивается. Рассуждения Томаса Куна и Пола Фейерабенда по большому счету не отражаются на взглядах профессиональных ученых, которые продолжают проводить эксперименты и публиковать открытия точно так же, как

делали это до и во время эпохи Просвещения. Профессиональные историки не перестали писать исторические труды и изучать прошлое просто потому, что объективной истории, по словам постмодернистов, не существует. Менее всего постмодернистские идеи затронули философию. По всей видимости, философы на дух не переносят откровенный релятивизм и противоречащие сами себе заявления постмодернистов. Если говорить об академической сфере, влияние постмодернизма явно ощущается в таких областях, как литература и социология. Хикс формулирует аналогичное наблюдение в вопросительной форме: «Почему, например, [постмодернистские] скептические и релятивистские аргументы... имеют вес в гуманитарных науках, но не имеют веса в науках естественных?»³⁸. Вопреки утверждениям Гренца, влияние постмодернизма в академических кругах за пределами гуманитарных наук невелико. К сожалению, многие христиане купились на красивые заявления постмодернистов и преувеличивают влияние этого мировоззрения на культуру. Уильям Лэйн Крэйг пишет:

На самом деле мы не живем во времена постмодерна... Более того, если [Пол Файнберг] прав в своем утверждении, что воплотить идеи постмодерна в жизнь невозможно, — а я думаю, что он прав, — никакого постмодернистского общества не может быть. Скорее, мы живем в постхристианские времена, и на смену христианству пришел не постмодернизм а, то, что некто удачно назвал «новым абсолютизмом». Сегодня люди лелеют открытость и толерантность и даже требуют их, считая абсолютными ценностями. Но большинство людей, в том числе ученых, не считают, что объективной истины не существует. Читая наклейку на пузырьке с лекарством, никто не прибегает к постмодернистской герменевтике. Богословы обычно полагают, что плюрализм и релятивизм постмодерна неистово популярны, в то время как на самом деле подобное мышление по большей части остается в границах университетских факультетов литературоведения, социальных наук и религиоведения³⁹.

Предложенное Гренцем сравнение между архитектурой модерна и постмодерна — хороший пример заблуждения, которое, по всей видимости, весьма распространено среди так называемых постмодернистов. Гренц пишет: «Постмодернистская архитектура родилась из отрицания принципов модернистской архитек-

туры, господствовавших в XX веке»⁴⁰. Однако от внимания Гренца, как и многих других поборников постмодернизма, ускользает то обстоятельство, что в архитектуре есть ряд постоянных величин, которые не может изменить даже постмодернистское неприятие модернистского зодчества: напряжение, вес, сопротивление материалов, сила тяжести, природные факторы и т. п. Все это необходимо принять во внимание, чтобы здание устояло и не погребло жильцов под обломками. Так что постмодернизм может сколько угодно отвергать принципы модернистского дизайна, но отвергнуть неизменные инженерные принципы он не сможет. Инженерные принципы можно сравнить с философскими абсолютами логики и объективности. Можно отвергнуть какие-то чаяния, цели и допущения модернизма, но даже постмодернист не может игнорировать принципы логики и объективности, без которых его собственные утверждения будут непонятны и невыразимы.

Гренц приводит еще один пример — на этот раз постмодернистского художника:

Художники-постмодернисты стремятся подвергнуть сомнению модернистский акцент на стилистической целостности отдельного произведения и разрушить то, что они расценивают как модернистский «культ» отдельного художника. Они целенаправленно ищут способы развенчать уникальность произведений искусства. С помощью таких методов, как очевидное изъятие, цитирование, извлечение, накопление и воспроизведение существующих образов, они нападают на «домыслы» о создающем субъекте. Пример такой радикальной постмодернистской критики можно найти в работах фотохудожницы Шерри Левин. Для одной выставки Левин воспроизвела известные художественные снимки Уокера Эванса и Эдварда Уэстона и представила их как свои собственные. Заимствование было настолько нарочитым, что в простом плагиате обвинить ее было нельзя. Она хотела не обмануть окружающих, выдав чужую работу за свою, а, скорее, поставить под сомнение идею различия между «оригиналом» и его публичным воспроизведением⁴¹.

Гренц не сознает, что для того, чтобы оценить значимость поступка Левин, нам придется опереться на якобы устаревшую модернистскую идею отдельного художника. Только если мы поймем, что ее работа представляет собой воспроизведение, а не оригинал, ей удастся

донести до нас пресловутый «постмодернистский» тезис. Но если для того, чтобы мысль об отрицании идеи «отдельного художника» стала понятной, нам приходится прибегать к этой самой идее, можно ли говорить о ее отрицании?

(Продолжение в следующем номере)

Примечания

1. Bloom, Allan. *The Closing of the American Mind* (New York: Simon and Schuster, 1987), p. 25.
2. Harvey, David. The Condition of Postmodernity. An Enquiry into the Origins of Social Change // *Modernism/Postmodernism*, ed. Peter Brooker (London: Longman Group, 1992), p. 182.
3. Лиотар, Жан-Франсуа. Состояние постмодерна (СПб.: Алетея, 1998), с. 10. «En simplifiant à l'extrême, on tient pour „postmoderne“ l'incrédulité à l'égard des métarécits. Celle-ci est sans doute un effet du progrès des sciences; mais ce progrès à son tour la suppose. À la désuétude du dispositif métanarratif de légitimation correspond notamment la crise de la philosophie métaphysique, et celle de l'institution universitaire qui dépendait d'elle. La fonction narrative perd ses foncteurs, le grand héros, les grands périls, les grands périls, les grands périple et le grand but».
4. Hicks, Stephen R. C. *Explaining Postmodernism: Skepticism and Socialism from Rousseau to Foucault* (Tempe, Arizona: Scholargy Custom Publishing, 2004), p. 6.
5. Sim, Stuart. Postmodernism // *The Routledge Companion to Postmodernism* (London: Routledge, 2001), pp. 339–340.
6. Downing, Crystal L. *How Postmodernism Serves (My) Faith: Questioning Truth in Language, Philosophy and Art* (Downers Grove, Illinois: IVP Academic, 2006), p. 18.
7. Там же, pp. 23–24.
8. Оба эти вопроса поставлены в книге Owens, Joseph. *Cognition: An Epistemological Inquiry* (Houston, Texas: The Center for Thomistic Studies, 1992), p. 16.
9. Там же, p. 20.
10. Hookway C. J. Certainty // *The Oxford Companion to Philosophy*, ed. Ted Honderich (Oxford: Oxford University Press, 1995), p. 129.
11. Там же.
12. Wuellner, Bernard. *Dictionary of Scholastic Philosophy* (Fitzwilliam, New Hampshire: Loreto Publications, 2012).
13. Grenz, Stanley. *Revising Evangelical Theology* (Downers Grove, IL: InterVarsity Press, 1993), p. 120.
14. πᾶσα γραφὴ θεόπνευστος καὶ ὠφέλιμος πρὸς διδασκαλίαν, πρὸς ἐλεγμὸν, πρὸς ἐπανόρθωσιν, πρὸς παιδείαν τὴν ἐν δικαιοσύνῃ, ἵνα ἄρτιος ᾦ ὁ τοῦ θεοῦ ἄνθρωπος, πρὸς πᾶν ἔργον ἀγαθὸν ἐξηρτισμένος (2 Тим. 3:16–17).
15. Arndt, William et al. *A Greek-English Lexicon of the New Testament and Other Early Christian Literature* (Chicago: University of Chicago Press, 2000), s.v. “θεόπνευστος.”
16. Grenz, Stanley J. *A Primer on Postmodernism* (Grand Rapids: William B. Eerdmans Publishing Company, 1996), p. 166.
17. Там же.
18. В этой статье я буду использовать для указания на абстрактного человека местоимения мужского рода. Смириться с этим!
19. Grenz. *Primer*, p. 2.
20. Там же, p. 4.
21. Crombie A. C. *Robert Grosseteste and the Origins of Experimental Science 1100-1700* (Oxford: At The Clarendon Press, 1953), p. 10.
22. Там же.
23. Porter, Roy. *The Enlightenment* (New York: Palgrave, 2001), p. 2.
24. Там же.
25. Там же, p. 11.
26. Там же.
27. Grenz. *Primer*, p. 4.
28. Porter. *The Enlightenment*, p. 3.
29. Там же, p. 7.
30. См. Israel, Jonathan I. *Radical Enlightenment: Philosophy and the Making of Modernity 1650-1750* (Oxford: University of Oxford Press, 2001).
31. Grenz. *Primer*, p. 5.
32. Griffin, David Ray. Series Introduction // *The Tacit Mode: Michael Polanyi's Postmodern Philosophy*, by Jerry H. Gill (Albany, New York: State University of New York Press, 2000), p. x.
33. Там же.
34. Grenz. *Primer*, p. 12.
35. Там же.
36. Hicks. *Explaining Postmodernism*, p. 21.
37. См. Crombie. *Robert Grosseteste*.
38. Там же.
39. Craig, William Lane. A Classical Apologist's Response // *Five Views on Apologetics*, ed. Steven B. Cowan (Grand Rapids: Zondervan Publishing House, 2000), p. 181.
40. Grenz. *Primer*, p. 24.
41. Там же, p. 26.

Д-р **Томас Хау** — профессор библеистики и библейских языков, а также руководитель программы по апологетике в Южной евангельской семинарии и библейском колледже. Автор ряда монографий, в том числе нескольких книг, разъясняющих трудные тексты Библии, написанных в соавторстве с Норманом Гайслером.

Оригинал статьи опубликован на сайте южноафриканского отделения служения Ratio Christi (ratiochristi.co.za). Все права принадлежат автору.

МАРТИН ЛЮТЕР НЕ БЫЛ ДЕКОНСТРУКТОРОМ

Алиса Чайлдерс

Много лет назад стараниями одного «прогрессивного» пастора мои христианские убеждения натолкнулись на серьезные интеллектуальные препятствия. В результате меня затянуло в процесс деконструкции, и прошло несколько лет, прежде чем я смогла из него окончательно вынырнуть. Впоследствии я узнала, что к тому моменту мой пастор уже деконструировал свои взгляды и хотел побудить к тому же своих прихожан, чтобы затем обратить их в «прогрессивное христианство». Ему это прекрасно удалось. Он достиг почти полного успеха. Из членов его общины лишь единицы вернулись затем к историческому христианскому пониманию евангелия. Большинство так и не вернулось.

И когда в моих новостных лентах начали одна за другой появляться «истории о деконструкции», обозначенные тегами вроде #exvangelical и #deconstruction, я, естественно, не могла не навести уши. Я начала следить за публикациями... пытаюсь понять, какой смысл авторы вкладывают в эти слова.

И я увидела, как хэштег превращается в движение.

К настоящему моменту, концу июня 2022 года, в Инстаграме опубликовано 293.026 постов с хэштегом #deconstruction. Авторы подавляющего большинства публикаций либо совсем отреклись от христианства, либо усвоили «прогрессивные» взгляды. Они одобряют однополые союзы и отношения, отвергают исторические догматы, борются с «засильем белых мужчин» в церкви. Под тем же хэштегом можно найти фотографии «деконструированной одежды» (наверное, есть и такая), а также крайне немногочисленные робкие возражения евангелических верующих, которые пытаются (как правило, безуспешно) убедить «деконструкторов», что без Иисуса спасение невозможно. В адрес церкви летят многочис-

Алиса Чайлдерс

www.thegospelcoalition.org

ленные оскорбления, насмешки и злобные комментарии, перемежающиеся мемами «Мне жаль, что я берегла себя для мужа» и «Доброе утро! Прекрасный день, чтобы покинуть вашу церковь, нарушающую права ЛГБТ».

В Интернете мелькают бесконечные объявления о сеансах деконструктивной терапии и психологической помощи, которые поспособствуют вашей деконструкции и помогут обрести осознанность или познакомят с созерцательными практиками таких любимцев «прогрессивных христиан», как Ричард Рор. Вы можете принять участие в конференциях — на одном таком мероприятии (которое я посетила в исследовательских целях) мне за немаленькие деньги рассказали, как обрести свободу от токсичной религиозности, отбросить христианские догмы и принять идеи, которые, по

— постмодернистская идея нравственного релятивизма. Например, если твоя церковь говорит, что женщина не может быть пастором, добродетелью будет уйти из такой церкви и путем деконструкции избавиться от ее токсичного и деспотичного учения. Деконструкторы не считают Писание высшим авторитетом в вопросах нравственности и богословия — они апеллируют, главным образом, к науке, культуре, психологии, социологии и истории.

На своей волне

Нарратив продолжает развиваться. Я все чаще натываюсь на посты и статьи (даже на сайте консервативного служения Gospel Coalition), авторы которых причисляют к деконструкторам Мартина Лютера и даже самого Иисуса. Помоему, это совершенно безответственно. Если деконструкцией можно назвать любое принципиальное изменение, значит, я совершила акт деконструкции, сменив одного мобильного оператора на другого. Мартин Лютер пытался реформировать церковь, чтобы вернуть ее назад к Писанию. Деконструкторы же определенно занимаются не этим. В большинстве случаев Библия — первое, что летит за борт. Ну а когда люди причисляют к деконструкторам Иисуса... непонятно даже, что именно Он, по их мнению, деконструировал, — собственные убеждения или убеждения окружающих. В любом случае подобные заявления порождают серьезные проблемы. «Деконструкция» — совершенно неуместное слово.

Складывается впечатление, что все разом вдруг забыли, что это слово означает, и пытаются спасти ситуацию, называя деконструкцией нечто совершенно иное — например, перемену отношения к чему-либо или пересмотр своих убеждений. Некоторые представители деконструкторского движения настаивают на том, что деконструкцию в ее нынешнем понимании ни в коем случае нельзя путать с постмодернистской философией Жака Дерриды, которого часто называют «отцом деконструкции». Но я с ними не согласна. В конечном счете Деррида полагал, что ни у какого слова не может быть одного-единственного значения. Джеймс Линдсей и Хелен Плакроуз формулируют эту идею так: «По мнению Дерриды, авторский смысл имеет не больше веса, чем толкование читателя, поэтому намерения автора не могут перевесить воздействие текста»¹.

Конечно, Деррида, говоря о деконструкции, имел в виду текст и слова, а не демонтаж воззрений. Но в действительности деконструирование библейского текста (которое, на мой

Жак Деррида

upload.wikimedia.org

взгляд, как правило, становится первым шагом на пути к деконструкции как ее понимают сегодня) от полного разрушения ортодоксальных христианских убеждений отделяет всего один шаг.

Парадокс заключается в следующем. Пытаясь полностью отделить нынешнюю деконструкцию от идей Дерриды и придать ей какое-то субъективное значение, мы в буквальном смысле деконструируем слово «деконструкция» в полном соответствии с заветами Дерриды. Зачем понадобилось брать первое понравившееся слово, а потом пытаться придать ему позитивное звучание? Если слово «деконструкция» может иметь неопределенное множество разных значений, мы в лучшем случае придем к двусмысленности. А в худшем — прочно сядем на крючок постмодернистских представлений.

Мэтт Чандлер прав

Недавно по Интернету разлетелось высказывание Мэтта Чандлера, в котором он назвал деконструкцию «сексуальным» занятием, имея в виду, что это слово вошло в моду и деконструировать теперь стало «круто». Естественно, в ответ деконструкторы разразились потоком зубоскальства и мемов на тему «Мэтт Чандлер считает меня сексуальной!». Но гораздо важнее

Мэтт Чандлер

другое: это высказывание (наряду с недавними комментариями Джона Купера, басиста христианской рок-группы Skillet) наглядно показало, что многие христиане вкладывают в одно и то же слово совершенно разный смысл. Например, журнал *Relevant* утверждает, что в представлениях Чандлера и Купера о деконструкции присутствуют «фундаментальные ошибки». Я готова с этим поспорить. Да, у меня были определенные претензии к некоторым мыслям, высказанным Мэттом Чандлером в последние годы. Но в этом случае, думаю, он понимает то, чего не понимают другие. Он увидел связь между нынешней деконструкцией и постмодернизмом Дерриды и впоследствии в Инстаграмме написал: «Деконструкция не имеет никакого отношения к сомнениям, богословским спорам или попыткам пережить боль, которую тебе причинила церковь» (все это, по его собственным словам, ему довелось пережить, и он относится к этим явлениям с большим милосердием). На мой взгляд, он абсолютно прав.

Мы христиане, и нам следует пользоваться терминами и категориями, которые предлагает Писание. Нигде в Библии я не нахожу одобрения или даже снисходительного отношения к тому, что представляет собой нынешнее деконструкторское движение. Я предлагаю оставить деконструкцию Дерриде, а самим вернуться к таким библейским понятиям, как сомнение, реформация, различение и даже... отступничество!

Вот некоторые моменты, которые помогут понять, попались вы на крючок деконструкции, или можно пока не беспокоиться.

- Деконструкция всегда утверждает (прямо или косвенно), что нравственность отно-

сительна. Если в своих нравственных оценках вы руководствуетесь Писанием, это не деконструкция — даже если вас мучают сомнения, вы пытаетесь оправиться от травмы, полученной в церкви, или совершенно запутались в том, что значит быть христианином.

- Деконструкторы отделяются от тела Христова и водят компанию исключительно с единомышленниками. Если вы разбираетесь со своими сомнениями и вопросами, оставаясь в общении с другими верующими, или хотя бы стремитесь найти такое общение, это не деконструкция. Иногда необходимо покинуть церковь, которая живет и учит вопреки Библии, чтобы найти здоровую христианскую семью.
- Деконструкторы пытаются выявить аутентичное христианство с помощью нехристианских религиозных философий, истории и философии, а не Писания. Конечно, история и социология отнюдь не бесполезны, но если вы искренне черпаете свои религиозные убеждения из Библии, это не деконструкция.

Все сказанное не означает, что для тех, кто действительно увлекся деконструкцией, нет никакой надежды. Десять лет назад я сама стремительно втянулась в это движение, но Господь по Своей неисчерпаемой милости и верности вывел меня оттуда.

Не будем деконструировать деконструкцию

Христиане обычно недовольны, когда последователи «прогрессивного» и «светского» христианства пользуются традиционными терминами: «любовь», «терпимость», «богодуховенность» или «воплощение», — вкладывая в них удобный для себя смысл. Давайте не будем поступать так же со словом «деконструкция».

Деконструкторское движение уже зажило своей жизнью, и теперь особенно важно тщательно и бережно относиться к определениям понятий, которыми мы пользуемся. В конце концов, если слово может означать что угодно, оно лишено всякого смысла, но способно затянуть ничего не подозревающих христиан в гибельную воронку, из которой они могут не выплыть.

Оригинальный текст статьи опубликован на сайте служения CrossExamined.org. Все права принадлежат автору.

МАССОВЫЕ УБИЙСТВА В ВЕТХОМ ЗАВЕТЕ

Пол Коултер

В Ветхом Завете есть несколько случаев массового истребления людей, произошедших, судя по всему, по воле Бога:

- потоп (Быт. 6-8);
- Содом и Гоморра (Быт. 18-19);
- египетские первенцы (Исх. 11-12);
- хананеи (Чис. 21:2-3; Втор. 20:17; Нав. 6:17, 21);
- амаликитяне (1 Цар. 15).

Первые три случая похожи друг на друга тем, что истребление происходило без участия человека — все осуществил Сам Бог или ангел Божий. Массовое убийство хананеев — первый из двух случаев, когда в библейском тексте сказано, что Бог повелел Израилю, Своему избранному народу, напасть на другой народ. Поэтому мы сосредоточим внимание именно на этом эпизоде.

Нам сложно смириться с повествованиями о массовом истреблении людей, поскольку они не укладываются в рамки распространенных представлений о христианском Боге. В частности, возникает вопрос: как любящий Господь мог допустить, а тем более задумать такую жестокость? Кроме того, бытует мнение, что Бог, описанный на страницах ветхозаветных книг, отличается от Бога, о котором говорится в Новом Завете. Первый выглядит злобным, мстительным и безжалостным, а второй — любящим, терпеливым и не злопамятным. Даже те, кто убежден в истинности Библии как Божьего откровения о Себе, иногда не могут спокойно читать отрывки, о которых идет речь, — в особенности, когда в них упоминается смерть невинных детей.

Повелел ли Бог истребить хананеев?

Пытаясь обойти проблему массового истребления хананеев, некоторые исследователи Писания отрицают, что Бог повелел это сделать. Данный аргумент существует в двух вариантах.

1. Израильтяне действительно истребили всех хананеев, но ошибались, думая, что Бог повелел им это сделать

Сторонники этой точки зрения полагают, что массовые убийства были пережитком языческого восприятия Бога. Во времена Ветхого Завета ближневосточные правители нередко предавали смерти целые города, желая таким образом принести жертву своим богам. Например, на Моавитском камне (IX в. до н. э.) есть надпись, в которой царь Меша хвалится тем, что истребил всех жителей Атарота в качестве жертвоприношения своему богу.

Соответственно, существует предположение, что во времена Иисуса Навина израильтяне мало знали о Боге и по ошибке думали, будто такого рода жертвоприношения угодны Яхве. Однако подобные рассуждения вызывают серьезные вопросы относительно природы Бога: способен ли Он ясно доносить Свою волю до людей, и мог ли Он позволить, чтобы столь откровенная непокорность осталась безнаказанной?

Пытаясь обойти это затруднение, некоторые исследователи высказывают мнение, будто любовь Бога к Израилю была так велика, что ради сохранения взаимоотношений с избранным народом Он закрыл глаза на потенциальный ущерб для Своей репутации и позволил, чтобы Его имя ассоциировалось с массовой резней. Однако такое предположение не находит подтверждения ни в одном ветхозаветном тексте. Напротив, Писание отчетливо свидетельствует, что массовое истребление произошло по Божьему повелению (Нав. 6:17, 21; Втор. 20:16-17). Более поздние тексты даже порицают израильтян за то, что они не повиновались приказу (Пс. 105:34-42).

Единственный способ примирить ветхозаветное повествование с данной теорией — признать Ветхий Завет документом, который описывает развитие взаимоотношений евреев с Яхве с человеческой точки зрения. В таком

случае Ветхий Завет превращается из божественного откровения об участии Бога в жизни человечества в чисто человеческую хронику формирования монотеистической религии.

2. Никаких убийств на самом деле не было

Сторонники этой точки зрения полагают, что описания массовых убийств не были составлены современниками, а были написаны значительно позже, в эпоху царей, людьми, своими глазами видевших пагубное влияние, которое оказывало на евреев поклонение идолам, в том числе хананейским божествам. Эти авторы якобы пришли к выводу, что евреям следовало сразу, как только они поселились в Ханаане, истребить местное население, и включили соответствующие повеления от имени Бога в «официальную историю» Израиля.

Данная теория рассматривает Писание не как истинное Слово Божье и даже не как достоверную хронику реальных событий, а всего лишь как частное мнение отдельных людей. Кроме того, она ставит под сомнение честность и правдивость ветхозаветных авторов и заставляет задуматься, каким образом Божий народ мог так ошибиться в своих представлениях о Боге. В определенном смысле данная теория порождает даже больше проблем, чем предыдущая, поскольку датирует выдуманные рассказы о массовых убийствах более поздним периодом истории Израиля, когда в соответствии с эволюционными представлениями об иудаизме у евреев уже должно было сформироваться более просвещенное понимание Бога.

Итак, все упирается в наши представления об авторитетности Писания. У нас нет возможности рассмотреть разные мнения, существующие в христианской среде, и аргументы в пользу точки зрения, которой придерживаюсь лично я, — а именно, что Писание представляет собой авторитетное Слово Бога, в оригинальных текстах которого не было никаких ошибок, и которое целиком и полностью полезно для научения и обличения. Я не сторонник механистического понимания богодухновенности (как если бы Бог продиктовал каждое слово Библии), однако я разделяю уверенность новозаветных авторов в том, что Бог направлял авторов Ветхого Завета и, следовательно, их слова были также и словами Бога (2 Пет. 1:20-21), и что все появившиеся в результате книги (включая и книгу Иисуса Навина) можно описать как богодухновенные и полезные для наставления в истине и исправления заблуждений (2 Тим. 3:16-17). Единственный способ отмахнуться от проблемы ветхозаветных массовых убийств —

принизить авторитетность Писания. Однако мы в настоящем исследовании будем исходить из того, что Писание совершенно авторитетно. Следовательно, мы воспримем все написанное о массовых убийствах буквально и попробуем понять, как это сочетается с нашими представлениями о Боге как воплощении любви.

Почему Бог повелел истребить хананеев?

1. Господь вынес смертный приговор народу, культура которого была насквозь пропитана отвратительными религиозными обычаями

Такие тексты, как Второзаконие 9:4-6 («за нечестие народов сих Господь изгоняет их от лица твоего»), Второзаконие 18:12 («за сию мерзость Господь, Бог твой, изгоняет их от лица твоего») и Левит 18:24-25 («Даже земля их осквернялась, и Я покарал ее за эти беззакония. И земля изрыгнула жителей своих» [ЗП]), ясно свидетельствуют о том, что Бог был намерен покарать хананеев. Гнев Божий и Его праведный суд над грешниками — важные библейские принципы. Не осознав, что Бог не может не осудить грех, мы никогда не поймем, насколько чудесны Его прощение и благодать, и насколько удивительна истина о кресте, на котором Христос принял на Себя гнев Божий, вызванный нашими грехами.

Окончательный Божий суд над человеческими грехами еще впереди: «Он назначил день, в который будет праведно судить вселенную, посредством предопределенного Им Мужа» (Деян. 17:31), — однако в Писании упоминаются случаи, когда Господь осуждает и подвергает наказанию отдельных людей (напр., Ананию и Сапфиру в Деян. 5), группы людей (напр., Корея и его последователей в Чис. 16) и даже целые народы (напр., хананеев). Став свидетелем Божьего суда над Содомом и Гоморрой, Авраам сказал: «Судия всей земли поступит ли несправедливо?» (Быт. 18:25). Патриарх правильно рассудил, что главным критерием оценки должна быть личность Бога, и его риторический вопрос был выражением уверенности в том, что Бог праведен. Писание последовательно утверждает, что Божий суд честен и справедлив, — Павел пишет об этом в Рим. 2:1-16. Хананейская культура была пропитана грехом настолько, что Бог решил наказать жителей этой земли.

Необходимо оговориться: ни один человек и ни одна церковь в наши дни не имеет права вынести приговор целой культуре, хотя в эпоху, когда господствует точка зрения, в соответ-

ствии с которой все культуры одинаково приемлемы (философский плюрализм), особенно важно научиться правильно оценивать различающиеся ценности, присущие разным культурам (в том числе нашей собственной), и видеть их недостатки в свете эталонной праведности Бога. В мире нет совершенно праведных культур и совершенно развращенных обществ, однако можно увидеть разницу между теми культурами и обществами, которые в большей степени отражают Божий замысел относительно человечества, и теми, которые более далеки от этого. Крайняя греховность хананеев была связана с их религиозными обычаями. «...не делай так Господу, Богу твоему, ибо все, чего гнушается Господь, что ненавидит Он, они делают богам своим: они и сыновей своих и дочерей своих сожигают на огне богам своим» (Втор. 12:31). В 18-й главе книги Левит упоминаются подробности отвратительных хананейских религиозных практик, в том числе принесение детей в жертву богу Молоху, кровосмешение, скотоложество, гомосексуализм и ритуальная проституция.

2. Господь хотел уберечь израильтян от хананейской религии

Во Второзаконии 20:16-18, повелев израильтянам истребить все население ханаанских городов, Бог так объяснил мотивы Своего повеления: «...дабы они не научили вас делать такие же мерзости, какие они делали для богов своих, и дабы вы не грешили пред Господом, Богом вашим». Израиль должен был хранить духовную чистоту не только ради собственной безопасности, но и потому, что Бог избрал евреев для свидетельства другим народам о Его могуществе и благодати (см. Быт. 18:18). Вот почему Господь придавал большое значение тому, чтобы жизнь Израиля в земле обетованной началась в отсутствие влияния других религий, способных увести евреев от веры в Него. К несчастью, евреи так и не выполнили Божье повеление до конца, а потому соблазн увлечься ложными верованиями хананеев долго их преследовал. Признаки заимствования чуждых обычаев нетрудно увидеть уже в книге Судей, но кульминация этот процесс достигает в эпоху царей. Несколько раз израильтянам удавалось успешно проявить себя в роли свидетелей Господа (например, в случаях с Раав во 2-й главе книги Иисуса Навина и царицей Савской во времена Соломона в 10-й главе 3-й книги Царств), но в целом они не выполнили возложенную на них миссию по двум причинам:

а. Их верность Богу ослабела, и таким образом они перестали быть особенным народом.

б. У них развилось чувство национального превосходства, в результате чего они утратили интерес к донесению истины о Боге до других культур, решив, что Господь и Его благословения должны быть их исключительным достоянием. Классический тому пример — книга Ионы.

Современной церкви стоило бы извлечь урок из этих двух опасностей, способных негативно повлиять на успех миссионерской деятельности. Мы должны бережно хранить свои христианские особенности, но при этом не прятаться в «святом бункере», разорвав всякие связи с теми, кто должен узнать о Христе. Успех благовестия зависит как от нашей верности, так и от нашей способности вести диалог с окружающей культурой.

Была ли у хананеев возможность спастись?

Очевидное возражение заключается в том, что Бог осудил хананеев несправедливо, если у тех не было возможности покаяться и спастись. Однако Библия показывает, что это возражение несостоятельно.

1. Бог был долготерпелив к хананеям

Бог принял решение не спонтанно. В Бытии 15:13-16 Бог предсказал Аврааму, что его потомки будут рабами в чужой земле 400 лет, но вернуться в Ханаан «в четвертом роде» (в четвертом поколении). Наказание было отсрочено потому, что «мера беззаконий Аморреев доселе еще не наполнилась». В Писании есть указания на то, что при жизни Авраама хананеи уже кое-что знали об истинном Боге.

- Уничтожение Содома и Гоморры, которые располагались у границ Ханаана, и избавление Лота наглядно демонстрировали отношение Бога к греху (Быт. 18-19).
- Авраам жил среди хананеев и был зажиточным и могущественным человеком (в 14-й главе Бытия ему удалось спасти Лота от объединенных сил четырех царей). Его вера в Бога наверняка была свидетельством для хананеев.
- Загадочный Мелхиседек был царем Салима (Иерусалима), а также «священником Бога Всевышнего» (Быт. 14:18). Наверняка он рассказывал своим соплеменникам об истинном Боге Творце (Быт. 14:19).

Судя по всему, за время, прошедшее от Авраама до Иисуса Навина, хананеи постепенно забыли все, что знали о Боге, все глубже по-

грязая в грехе. И лишь когда их греховность достигла определенного уровня мерзости, Бог решил наказать их руками израильтян. Даже во времена Иисуса Навина хананеи слышали о том, что сделал Бог, когда вывел израильтян из Египта и даровал им победу над аморрейскими царями к востоку от реки Иордан (Нав. 2:8-12), но не покаяться и не вернулись к Нему.

2. Те, кто обратился и уверовал в Бога, спаслись

Из того, что блудница Раав (ее история рассказывается во 2-й главе книги Иисуса Навина) слышала об уходе Израиля из Египта и победах евреев над аморрейскими царями, она сумела сделать вывод, что Бог решил отдать Ханаан израильтянам. Она продемонстрировала свою веру словом и делом (помогла спастись израильским разведчикам), в результате чего избежала смерти и стала частью избранного народа. Более того, царь Давид и, следовательно, Иисус Христос, были ее потомками! К сожалению, Библия не сообщает нам о других хананеях, уверовавших в истинного Бога, хотя такая возможность у них, безусловно, была.

Что именно повелел Бог?

Теперь мы подошли к самой сути проблемы. Зачастую массовое убийство хананеев критики Ветхого Завета называют «геноцидом» или «резней», изображая израильтян кровавыми психопатами-шовинистами, которые просто сорвались с цепи. Однако библейское повествование выглядит совсем иначе — как с точки зрения формулировки Божьего повеления, так и с точки зрения того, что произошло на самом деле.

1. Полное истребление ожидало только жителей Ханаана

В 20-й главе Второзакония Бог недвусмысленно объясняет, что истреблению подлежат только жители Ханаана. Относительно других врагов, живших за пределами обетованной земли, Господь установил четкие правила ведения войны:

- перед сражением армию должны были благословить священники (ст. 3);
- они должны были ожидать победы от Бога (ст. 4);
- воины, которые только что купили землю, построили дом или женились, а также те, кто не мог справиться со страхом, не должны были идти в бой (ст. 5-8);

- вражеским городам перед началом осады следовало предложить мир (ст. 10-12);
- после взятия города казнить следовало только мужчин, женщин и детей следовало принять в число израильтян, а все богатства сохранить (ст. 13-15);
- во время осады армия не должна была оставлять после себя выжженную землю, плодовые деревья, которые принадлежали городу, нельзя было трогать (ст. 19-20).

Перечисленные требования были удивительно строгими для той эпохи. На их фоне повеление истребить всех хананеев подчистую выглядит исключением. Это была не разнужданная бесконтрольная резня, а военная кампания с четким планом и конкретными задачами.

2. Целью наказания было не поголовное истребление, а изгнание

В адресованном Израилю повелении о том, как следует поступить с хананеями, использовано несколько глаголов. Одни недвусмысленно предполагают истребление, а другие указывают на изгнание (см. Втор. 7). В стихе Второзаконие 9:3 обе эти идеи соединяются: «...ты изгонишь их, и погубишь их скоро, как говорил тебе Господь». Тщательное изучение всех относящихся к теме текстов позволяет думать, что Бог был намерен позволить хананеям бежать из обетованной земли по мере продвижения израильтян. Но если бы хананейские цари и города отказались воспользоваться этой возможностью, истребление оставалось единственным решением. Нигде не сказано, что бежавших из страны хананеев нужно преследовать. Напротив, повеление истребить распространяется только на жителей ханаанских городов. Скорее всего, если бы хананеи покинули землю обетованную, израильтяне поступили бы с ними так же, как с другими народами, — заключили мирный договор и руководствовались правилами ведения войны, определенными в 20-й главе Второзакония (см. выше).

Таким образом, речь идет не столько о геноциде (целенаправленном истреблении людей по этническому принципу), сколько о принудительном выселении из Ханаана. Суть наказания заключалась в том, чтобы отнять у хананеев землю из-за их отвратительных религиозных обычаев и для того, чтобы сохранить чистоту поклонения в Израиле. Подтверждения этому мы, по всей видимости, находим в библейских книгах Иисуса Навина и Судей, поскольку полное истребление хананеев не происходит.

Представление о том, что основной задачей наказания было изгнание из земли обетованной, помогает нам понять смысл слов «свергнула с себя земля живущих на ней» (Лев. 18:25) и предостережения, что, если израильтяне станут перенимать религиозные обычаи хананеев, земля свергнет и их, «как она свергнула народы, бывшие прежде вас» (Лев. 18:28). Когда это наказание все-таки настигло Израиль, евреи были не истреблены, а уведены в плен в чужую землю.

В 12-й главе книги Иисуса Навина перечислены цари (тридцать один), которых Иисус победил, и чьи города были разрушены (в то время хананеи жили, в основном, в независимых городах-государствах). В среднем население одного города-крепости в те времена насчитывало, вероятно, около 1-3 тыс. человек, а во многих городах проживало не более 700 человек. В общей сложности в 31 городе, покоренном Иисусом Навином, обитало около 70 тыс. человек. Многие из них могли убежать до начала осады, но даже если они все погибли, это приблизительно 3,5% от всего населения Ханаана. (Во Второзаконии 7:1-7 сказано, что хананеев было больше, чем евреев, а общее количество израильтян составляло около 1,6 млн. человек, так что количество хананеев было, вероятно, ближе к 2 млн.) Оставшиеся 95,5% либо покинули Ханаан, либо были завоеваны после смерти Иисуса Навина.

3. Бог не «расист» — впоследствии Он наказал Израиль, лишив его земли

Как уже было сказано, когда израильтяне переняли религиозные обычаи хананеев, Бог наказал их точно таким же образом. Он изгнал их из земли обетованной, чтобы их очистить, и лишь остаток избранного народа вернулся в Ханаан под предводительством Зоровавеля, Ездры и Неемии, чтобы поклоняться одному только Господу. Господь покарал хананеев не за этническую принадлежность, а за религиозные обычаи и за грех, которым насквозь была пропитана их культура.

Конечно, все сказанное выше едва ли избавит современного читателя от негативных чувств и мыслей — ведь «выселение по религиозным соображениям» мало чем отличается от геноцида. Справедливо ли выносить приговор целой культуре и искоренять жителей целого региона лишь по причине их религиозных воззрений? Здесь необходимо сделать пару оговорок. Во-первых, мы говорим о довольно-таки уникальной ситуации. Во-вторых, Писание не дает ни малейшего основания для повторения

подобных действий в наши дни. Христианам не обещано земное царство, и Спаситель заповедал нам проповедовать евангелие всем народам, а не наказывать некоторые из них. Тем не менее, нам никуда не уйти от того факта, что, согласно текстам Ветхого Завета, Бог Израилев повелел уничтожить целую культуру. Отсюда вытекают несколько вопросов.

- Почему Бог использовал в роли исполнителей избранный народ?
- Как объяснить смерть невинных хананеев (в особенности детей)?
- Тот ли это Бог, которому поклоняются христиане?
- Почему для исполнения приговора Бог в данном случае использовал израильтян?

Во время потопа, уничтожения Содома и Гоморры и умерщвления египетских первенцев Бог действовал сам или через ангела. Некоторым людям трудно понять, как Он мог использовать одних грешников для наказания других, и как Он мог ожидать, что люди решатся на такую жестокость — особенно в отношении невинных детей. Разве израильтяне в глазах Бога обладали каким-то нравственным превосходством?

Здесь будет полезно вернуться к 9-й главе книги Второзакония, где Бог повелевает истребить хананеев. Господь совершенно отчетливо говорит, что привлекает израильтян не потому, что они лучше или нравственнее хананеев, а просто как орудия Своего суда. Он дважды повторяет: «...не за праведность твою...» (9:5-6). Возможно, Бог счел нужным использовать израильтян для исполнения приговора, чтобы они осознали, насколько серьезен грех, насколько отвратительны в Его глазах хананейские религии, и насколько суров Его суд. Они должны были запомнить истребление народов, в котором принимали участие, и эти истины должны были глубоко отпечататься в их сознании.

Вопрос о том, как Бог мог использовать одних грешников для наказания других вновь встает, когда мы читаем дальнейшие книги Ветхого Завета. Книга пророка Аввакума затрагивает эту проблему в контексте неотвратимого вторжения вавилонян в Иудею. Пророка мучает сознание того, что Божий народ, каким бы грешным он ни был, вот-вот потерпит поражение от еще более грешного народа (Авв. 1:13). Во 2-й главе Бог отвечает на сомнения Аввакума, объясняет причины Своего решения и заверяет пророка, что в свое время будет судить вавилонян тем же праведным судом,

каким осудил иудеев. Завершается книга тем, что Аввакум исповедует свою веру, восхваляет Бога и полагается на Него.

А как быть с невинными хананеями?

Даже если мы согласимся с тем, что Бог наказывал хананеев руками израильтян, кто-нибудь может возразить, что некоторые хананеи не участвовали в отвратительных религиозных обрядах своего народа, то есть пострадали без вины. В частности проблема связана с убийством маленьких детей. Однако необходимо помнить, что физическая смерть — еще не конец. Более того, наказание, которое ожидает нечестивых после смерти (Евр. (9:27), гораздо страшнее любого земного наказания, приводящего к смерти, — ведь речь идет о вечной участи человека. Мы можем быть уверены, что Бог поступит справедливо с теми невинными младенцами, которые погибли во время завоевания Ханаана, и которые не могли нести ответственность за грехи своего народа и своей религии.

Понятно, что этот аргумент вряд ли полностью избавит современного читателя от сомнений, однако на проблему можно взглянуть под еще одним углом. Спросите себя, какой вариант был предпочтительнее с точки зрения Бога: позволить детям вырасти и получить воспитание в столь развращенной религиозно-культурной среде или оборвать жизни детей и забрать их к Себе? В таком ракурсе то, что произошло в Ханаане, наверное, было не худшим из возможных исходов. Но даже рассуждая подобным образом, мы вступаем на зыбкую почву. Такие решения вправе принимать только Бог, поскольку Он один всеведущ и совершенно мудр. Наш ограниченный ум не способен учесть и взвесить все нюансы данной дилеммы. По примеру апостола Павла нам следует признать, что суды Бога «непостижимы», и Его пути «неисследимы» (Рим. 11:33).

Бог Нового Завета и Бог Ветхого Завета — один и тот же Бог?

Теперь, рассмотрев различные вопросы и сделав некоторые выводы о том, что случаи массового истребления людей в Ветхом Завете говорят нам о Божьем суде, мы можем обратиться к фундаментальному вопросу: можно ли примирить ветхозаветный образ Бога с тем, что мы узнаем о Нем из Нового Завета? Ветхозаветные тексты подобные тем, которые мы разбираем в настоящей статье, подтолкнули некоторых известных в истории церкви людей (например, Маркиона Синопского) к выводу о том, что вет-

хозаветный Яхве и Отец Иисуса Христа, описываемый в Новом Завете, — два разных божества. Мало кто из сегодняшних христиан готов зайти в своих рассуждениях так далеко, однако у многих жестокие истории Ветхого Завета, конечно, вызывают душевное смятение и неприятие. Тем не менее, между ветхозаветным и новозаветным пониманием Бога нет принципиальной разницы, и любые предположения об обратном объясняются недостаточным знакомством с библейским текстом.

Действительно, Бог в Писании открывается людям постепенно, и наше понимание Его природы становится более отчетливым по мере того, как разворачивается библейский гранд-нарратив. Это особенно очевидно, когда речь заходит о триединстве Бога. В Ветхом Завете присутствуют лишь едва заметные намеки на троичность божественных Ипостасей. Однако в новом завете идея Троицы раскрывается яснее, хотя и остается тайной, которую человек не может объяснить или сформулировать с абсолютной точностью. Только с пришествием Христа столь глубокая истина смогла, наконец, обрести явные очертания, а личностные качества Бога и величие Его любви — раскрыться во все полноте.

Важно понять, что по мере углубления откровения подлинный смысл любви и справедливости Бога становится все более понятен. И, что самое важное, крест Христов объясняет, каким образом эти два качества, которые на первый взгляд нередко вступают в противоречие друг с другом, соединяются в одной Личности (иначе говоря, каким образом святой Бог может оправдать грешников в Своих глазах, не поступившись при этом справедливостью и не оставив грех без наказания).

И Ветхий, и Новый Заветы последовательно свидетельствуют о любви и справедливости (святости) Бога. Предположение, будто Божья любовь неведома Ветхому Завету, совершенно не соответствует действительности. Более того, любовь Бога к Израилю — важная тема Ветхого Завета, и Его суд над врагами евреев можно рассматривать как проявление этой любви. Не меньшей ошибкой будет предположить, что Бог Нового Завета не способен вершить праведный суд и наказывать виновных.

В Ветхом Завете Бог предстает и справедливым, и любящим (см., например, Исх. 34:6; Пс. 84:11; 85:15), и это же совершенное равновесие мы видим в образе Бога, явленном нам во Христе (Ин. 1:14). Даже в ветхозаветных историях о массовых убийствах мы видим проявление справедливости и благодати Бога: Его гнев обрушивается на непокорных, верующие

же получают избавление. Тому же принципу следует и учение Иисуса, Который говорил как о спасении, так и о суде (см., например, притчу о богаче и Лазаре в 16-й главе Евангелия от Луки). Во всех новозаветных посланиях это совершенное единство справедливости и любви отчетливо видно — например, Иоанн в своем 1-м соборном послании называет Бога одновременно светом (что подразумевает истину) и любовью (см. 1 Ин. 1:5; 4:16). Ни Христос, ни Его ученики по всей видимости нисколько не сомневались в достоверности ветхозаветных историй о массовых убийствах, то есть в их представлении Бог Ветхого Завета был тем самым Богом, Которого они исповедовали и проповедовали. Более того, учение Христа и апостолов теряет всякий смысл, если оторвать его от Ветхого Завета. Значение жизни, смерти и воскресения Спасителя можно понять лишь в том случае, если все произошло «по Писанию» (1 Кор. 15:3-4).

Иисус и апостолы учили, что грядет день суда, когда грех, наконец, будет наказан в соответствии с Божьим стандартом праведности. До тех пор, пока мы не поймем, почему Бог гневается на грех (Рим. 1:18), и почему этот гнев должен повлечь за собой наказание (Рим. 2:5), мы не сможем осознать ни того, как чудесна любовь Бога, проявленная на кресте Христовом (Рим. 5:8), ни того, почему смерть Спасителя была необходима, чтобы явить справедливость Божью и отвлечь от нас Его гнев (Рим 3:25). Без понимания причин Божьего гнева крест

теряет всякий смысл, а благодать становится вялой и безжизненной. Массовые убийства Ветхого Завета многое могут рассказать нам о суде Божьем.

Все подобные случаи в Ветхом Завете носили единичный, исключительный характер, однако между ними есть определенное сходство, как показывает приведенная здесь таблица.

Таким образом, у всех историй есть несколько общих черт:

- *наказание свыше* — во всех случаях Бог наказывает людей за некий ужасный грех;
- *возможность покаяния* — во всех случаях наказанию предшествовало некоторое время, достаточное для покаяния;
- *свидетельство о Боге* — в период, когда покаяние было возможно, знание об истинном Боге было доступно тем, кого постигло наказание;
- *спасение по вере* — тем, кто верил в Бога и не был виновен перед Ним, Он всегда давал возможность спастись (лишь в случае с амаликитянами мы не располагаем сведениями о спасшихся); при этом семьи верующих тоже оставались в живых, а семьи неверующих погибали вместе с ними.

Эти же принципы присущи новозаветному учению о последнем суде:

- 1) *Бог будет судить справедливо* — но на этот раз наказание не ограничится физической

	Орудие наказания	Возможность покаяния	Свидетельство о Боге	Спасенные по вере
Потоп	Быт. 6:5-7 (воды потопа)	Пока строился ковчег (1 Пет. 3:20)	Ной	Ной и его семья построили ковчег и вошли в него (Быт. 6:9; 7:8)
Содом и Гоморра	Быт. 18:20-21 (огонь с неба)	Авраам молился Богу (Быт. 18)	Праведный Лот (2 Пет. 2:7) и Авраам	Лот и его семья бежали из Содома (Быт. 19:12-13)
Египетские первенцы	Исх. 12:12 (ангел)	Предыдущие казни, встречи Моисея с фараоном (Исх. 7-10)	Моисей и Аарон	Израильтяне, помеченные кровью агнца (Исх. 12:12-13)
Хананеи	Втор. 9:4-6, 18:12; Лев. 18:24-25 (армия Израиля во главе с Иисусом Навином)	40-летние странствования Израиля в пустыне (хананеи знали об этом – Нав. 2:10)	Израиль во главе с Моисеем и Иисусом Навином	Раав и ее семья — она привязала к окну красную веревку (Нав. 2)
Амаликитяне	1 Цар. 15:2-3 (армии царя Саула)	Примерно 350 лет с тех пор, как они согрешили против израильтян (Исх. 17)	Народ Израилев	Сведений нет

смертью, осужденных ждет либо вечное мучение, либо вечное блаженство (Откр. 20:11-15);

- 2) *возможность покаяться* — Бог терпит людей, давая им возможность покаяться (2 Пет. 3:9); по возвращении Христа состоится суд, избежать которого не сможет никто;
- 3) *свидетельство о Боге* — сегодня христиане присутствуют в мире и свидетельствуют о справедливости и любви Бога (2 Кор. 2:14-16);
- 4) *спасение по вере* — спастись может каждый, кто покается и уверует во Христа (Деян. 2:21).

Заключение: почему это нас беспокоит?

Несмотря на все сказанное выше, многих читателей, скорее всего, по-прежнему глубоко смущает мысль о массовом истреблении хананеев. Я, во всяком случае, не могу думать об этом спокойно. Сама мысль о подобном кровопролитии не укладывается в рамки нашей привычной жизни в Западной Европе в начале XXI столетия, и массовые убийства, происходившие в последние десятилетия в таких странах, как Судан и Босния, вызывают у нас ужас и отвращение. Когда мы испытываем подобные чувства, всегда стоит сделать паузу и задуматься, почему. Оправданы ли наши чувства? Не свидетельствуют ли они о недостатке доверия Богу? Судя по всему, наша озабоченность может быть вызвана двумя разными причинами, и следствия ее тоже будут весьма разными.

А. Вера в Бога. Смятение некоторых людей вызвано глубокой верой в то, что Бог благ и любит всех. Для того, кто познал Его и уверовал в Него через Иисуса Христа, это бесспорный факт. Если наше беспокойство вызвано такой причиной, оно побудит нас еще глубже озаботиться участью тех, кто еще не знает Бога, и принять участие в миссионерской деятельности как в собственной стране, так и за рубежом. Размышляя о наказании, которому Бог подверг хананеев во времена Иисуса Навина, мы понимаем, что впереди еще более суровый суд, и что людей, которые не уверовали в Бога, ждет еще худшая участь, чем хананеев. Можно ли наслаждаться уверенностью в собственном спасении, зная, что в мире есть люди, которые еще

не слышали о Христе? Тем временем мы можем открыть свои чувства Богу и признать, что не можем с ними справиться. Если наши вопросы вызваны подлинным желанием лучше Его узнать, Господь никогда нас не осудит (и здесь ободряющим примером вновь служит пророк Аввакум).

В. Мятеж против Бога. Смятение других людей объясняется их принципиальным неприятием самой мысли о том, что Бог может или должен судить и наказывать грешников. Согласно Писанию, всякий грех должен быть осужден, и все люди заслуживают смерти и вечного наказания. Отказываясь признавать эту истину, мы подвергаем себя страшной опасности — ведь тем самым мы отвергаем Бога, и нас ждет Его осуждение. Нам следует покаяться в упрямстве и гордыне и просить Господа о помиловании. И ради Христа Он смилуется над нами.

Итак, вот главный вывод, который следует сделать из массовых убийств Ветхого Завета: Божье осуждение греха — реальность, и сейчас мы живем в период, когда возможность покаяться и спастись еще есть. Бог уже все приготовил для нашего спасения: Христос умер за нас на кресте и воскрес для нашего оправдания. И нам следует прислушаться к предостережению автора Послания к евреям: «...как мы избежим, вознерадев о толиком спасении..?» (Евр. 2:3).

Д-р **Пол Коултер** бывший профессиональный медик, также получил образование в областях богословия, практического богословия, педагогики и генетики. Оставив медицину, он шесть лет служил помощником в церкви в Белфасте, а затем стал преподавателем практического богословия и миссиологии в Библейском колледже Белфаста. Сейчас д-р Коултер преподает в нескольких христианских ВУЗах и участвует в работе нескольких национальных служений.

Оригинал статьи опубликован на сайте служения Be Thinking (www.bethinking.org). Все права принадлежат автору.

Руководитель проекта Павел Столяров
Редактор Дмитрий Розет

Почта: 191186, Россия, СПб., а/я 100
Веб-страница: www.apologetika.ru
E-mail: Russia@apologetika.ru

При перепечатке ссылка на «Вестник ЦАИ» с указанием почтового и электронного адресов ЦАИ обязательна